

К84(2=411.2)6
М14

Геннадий МАЙОРОВ

(Из украинского дневника)

Издательство «3-е ИЮЛЯ»

2015

16+

В моей журналистской практике было немало экстремальных маршрутов, неординарных ситуаций. Пришлось повидать страдания людей, находящихся в эпицентре конфликтных ситуаций. Довелось ощутить дыхание «горячих точек»...

Но недавние поездки в Украину, знакомую ещё по спокойным советским временам, лишний раз убедили как хрупок мир, как легко можно превратить жизнь в кошмар и как высока вероятность новой войны, где не будет победителей и побеждённых.

Ненависть и противостояние политиков, не задумывающихся о последствиях своих маниакальных амбиций, грозит необратимыми последствиями. И «вторая холодная война», беснующаяся у порога российского дома, тому подтверждение.

Говорят, что история и время рассудит, кто был прав, а кто виноват. Возможно, и так. Только, глядя на то, как разгорается огонь вражды, нет уверенности, что мы доживём до того времени, когда мозги «властителей» повернутся в сторону мирного созидательного бытия. Слишком много желающих наращивать свой политический капитал на горе других. Слишком много дорвавшихся до власти с установкой: «После нас хоть потоп».

У меня нет рецептов как выходить из создавшегося положения. Нет их и у противоборствующих сторон.

Значит, остаётся ждать, что кризис разрешится сам собой? Вряд ли.

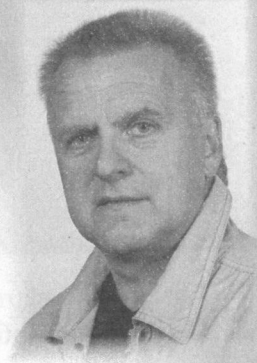
И надежда, что сменятся воинствующие правители, придёт новая миролюбивая смена – очень зыбка.

А что делать людям, оставшимся без крова, без средств к существованию, потерявшим близких?

Вопросы, вопросы, вопросы...

В моём журналистском блокноте осталось немало мыслей и сиюминутных впечатлений от посещения Украины. Но они должны «отлежаться», остыть, чтобы когда-нибудь стать основой публицистических рассказов (без эмоций и скоропалительных выводов) о смутном времени второго десятилетия двадцать первого века.

А пока я предлагаю читателям лишь некоторые зарисовки из своих командировок на юго-восток Украины.

Геннадий МАЙОРОВ

Георгиевский крест

Низенький вёрткий водила через зеркало оглядел салон и носклабился, обнажая щербатые зубы:

– Ну вот, теперь можно ехать. Меня зовут Микола. На всякий случай, я к теще еду. Она у меня на границе Харьковской и Донецкой областей живёт. А вы, братки, сами выкручивайтесь, если что.

– А что, проблемы могут быть? – высокий худощавый парень в импозантной заграничной куртке в очередной раз жадными губами припал к бутылке пива.

– А ты как думал?! – Микола лихо стартовал на своей выдавшей виды грузопассажирской «Газели» и, пересекая сплошную, устремился в проулок от автостанции, где и укомплектовал своё авто случайными пассажирами.

Пассажиров было трое. Кроме молодого модного парня со следами бурно проведённой ночи на лице, устроившегося рядом с водителем, сзади расположились мужчина средних лет и почти старик, судя по нечёсаной бороде и помятой одежде долгое время скитавшийся вдали от дома.

– Тебя, кстати, как зовут? – Микола обратился к соседу с пивом, сочувственно улыбаясь. – Вчера, видать, здорово шарахнул?

– Я Валерий, – после затяжного глотка с трудом выдохнул парень. – Из московской газеты. Сначала хотел на Украину попасть через Хутор Михайловский, но нас, узнав, что мы – пресса, развернули. Хохлы получили установку нашего брата не жаловать. Пришлось всеми окольными путями пробираться. А я, как назло, отстал от поезда. Вот и посоветовали в вашем городишке выйти на частного...

– Да мы всегда рады помочь, – Микола вёл микроавтобус уверенно, хотя особо не утруждал себя объездом ухабов и ямок. – Вся жизнь тут курсируем. Работы ведь нет путёвой, вот до недавнего

времени и перевозили торговков то в Россию, то в Хохляндию. Вроде ничего не делили, всем хорошо было. И вот – на тебе! Войну затеяли...

– А ты не боишься ездить, там же стреляют? – корреспондент прикончил бутылку и теперь блаженствовал, откинув голову и прикрыв глаза.

– А чего мне бояться?! Опять же, какой-никакой, а заработок. Вот вам же надо туда... Да и я заодно кое-каких харчишек свезу, люди-то там голодают...

– Торгуешь, значит? – подал голос старик. – Кому война, а кому мать родна...

– Ты чего это? – всполошился Микола. – Сам-то зачем едешь, если война?

– У меня с ними свои счёты, – сверкнул глазами старик. – Ты сам-то русский или украинец?

– Да я в политику никогда не лез, – вдруг стушевался водила, чересчур суровый и уверенный голос старика придавил его хозяйскую самоуверенность. – Как вас там звать-величать?

– Егорычем кличут. У меня на Донбассе дед в Отечественную погиб. Отец туда переселился, чтобы, значит, память не пропала, на шахту пошёл вкалывать. И я так воспитан, чтобы старшее поколение героев чтить. Оттого и в военное училище поступил, укатил на Дальний Восток. Там и осел, женившись. А потом из армии попёрли, когда страну развалили..., – старик шумно выдохнул, узловатыми пальцами начал усиленно растирать шею:

– Курить-то у тебя можно?

– Да мне-то что, – пожал плечами Микола, – дыми на здоровье... Значит, могилу деда решил посетить?

– Теперь и отца. Он в ополчение ушёл, когда вся эта мразь припёрлась на нашу землю. Они его истязали, увидев георгиевскую ленточку, заставляли от-

речься от всего... Я своим детям после этого в глаза смотреть не могу.

– Отомстить, стало быть, хочешь, – водитель вновь осмелел, охотно передал старику зажигалку, – а пороку хватит?

– Ты чего это, – вскипел Егорыч, – мне, советскому офицеру про порох...

– Да это я так, – заюлил Микола. – Смотрю на твой возраст...

– Не бойсь, я ещё в форме, смогу ребятам помочь.

– Я слышал, что у ополченцев почти нет опыта ведения боевых действий, – подал голос Валерий, – только за счёт легионеров и выезжают.

– Опыт – дело наживное, – жадно затянувшись сигаретным дымом, хмыкнул Егорыч. – Я вот только не пойму, почему пресса стесняется рассказывать, что на помощь Донбассу пришли добровольцы из многих мест и даже стран. Америкосам стало быть можно вмешиваться в чужие дела, а нам – нет?

Дудки! Это наша земля, наши люди... Ты, пресса, первый раз едешь?

– Первый, – Валерий внимательнее пригляделся к старику; тот сделал неловкое движение и под расстёгнутым плащом, на пиджаке, блеснула медаль. – А вы, наверное, не первый... Награда за что?

– Эх, сынок, разве в этом дело? Не на парад ведь собрался. А чтобы эти гады видели, на кого они руку подняли...

Корреспондент, видимо, полностью восстановился после пивотерапии и настроился на рабочий лад:

– Вы думаете, война будет?

– А ты разве не видишь, что она гремит вовсю.

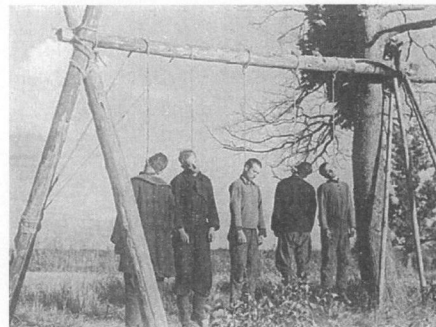
– Но ведь гражданская война – это же ужасно. Будет много жертв, а главное – родственные души могут навсегда стать врагами.

– Ты сам-то куда думаешь двинуть?

– Мои коллеги пробира-

Геннадий МАЙОРОВ

ются в Славянск, там интересные события развиваются, мэр такой интересный...

– Ну-ну... А крови не боишься?

– Пока не задумывался. Но давайте о вас поговорим. Вам не страшно убивать?

– Эх, сынок, плохо ты историю изучал. В мире только сильного боятся. А будем сюсюкаться, нас враз сомнут. И здесь выбора нет: или мы их, или они нас.

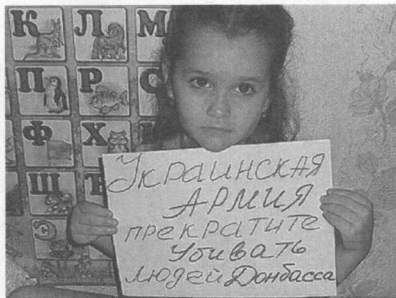
– Но вы же вмешиваетесь в чужой конфликт...

– Какой чужой?! Мои предки потом и кровью поливали эту землю. Я там родился. Кто защитит женщин и детей? Этим тварям без разницы, кто там живёт: русские, украинцы... И потом надо не только разогнать всю эту бандеровскую шваль, надо америкосам показать, кто в доме хозяин. А то они дождутся, мы соберёмся и двинем через Аляску...

– Тихо, мужики, – вмешался водитель. – Границу переезжаем. Значит так. Вы со мной едете тётке сарайчик поправить. Едем в Константиновку. У меня есть паспорт с пропиской, ясно? А вы типа шабашники. Ты, пресса, не думай заикаться о своей профессии. Если встретим силовиков, они этого не любят...

Все замолчали и стали напряжённо вглядываться в мелькавший за окном пейзаж. Судя по усилившейся тряске, Микола выбрал не совсем легальный путь через кордон, торопливо и нервно вёл свой микроавтобус лесными и болотистыми тропами, где и охотники, наверное, появляются редко.

– Первый проскочили, – неожиданно заулыбался водитель. – Дальше нейтралка, авось и не встретим никого.

Остаток дороги ехали молча. Напряжение буквально всасывалось в салон, давило на виски.

Несколько раз почудилось, что где-то гремят взрывы. Налетел ветер, заморосило.

– Отлично, в непогоду проблем не будет, – прокомментировал Микола. – Я, мужики, если что, через неделю подамся обратно. Коли будет нужда, могу подвезти.

– Опять за сто баксов? – съязвил Валерий.

– А что! Я же рискую, вон, на прошлой неделе мой сосед попал в заварушку, машину подожгли...

– Да за твою «Антилопу Гну» и ста долларов много, – повеселел корреспондент. – Ладно, я успею собрать материал. Всё равно надо будет выбираться, так что адресок оставь, вместе поедем обратно.

– А ты, Егорыч, куда двинешь? – Микола выругался, не заметив яму, которая едва не опрокинула его авто.

– Я возвращаться не буду. Пока не победим.

– У вас колоритная внешность, – корреспондент опять пристал к старику. – Наверняка вам роту дадут. Может, я сфоткаю вас, когда приедем? На память.

– Вот чего нет у меня, так это приличной фотографии, – улыбнулся Егорыч. – Что ж, сними.

Добравшись до места, не сразу простились. Погода испортилась, резко потемнело. Но Валерий всё же умудрился сделать снимок, уговорив Егорыча распахнуть плащ.

И все обомлели, увидев на его груди Георгиевский крест.

– Это память деда, – пресекая ненужные расспросы, сказал Егорыч.

рыч. – Вот за что я воюю, сынок. И вы запомните, что есть на свете святые вещи, которые никак предавать и забывать нельзя. Иначе жить – бессмысленно.

Напоследок постояли молча, покурили. Егорыч первым растворился в сгущающихся сумерках, уверенно направился в сторону шоссе, где вдалеке смутно прорисовывался блок-пост. Отказался гостевать у миколоиной тёщи и Валерий. Он с кем-то переговорил по телефону и также поспешил ловить попутку.

Микола, перед тем как зайти в дом, воровато огляделся и, пересчитав свой автогонорар, засунул мятые купюры в дальний карман куртки. Тёща уже выглянула на крыльцо, включила свет, встречая гостя.

Это была последняя мирная ночь в их посёлке.

Неделю спустя, как и договаривались, Валерий прибыл, его провожали ополченцы на раздолбанном БТРе. Микола своим глазам не поверил. Всё это время он тщательно хоронил свой микроавтобус от возможных осколков, так как на ближайшем шоссе стало неспокойно. Силовики стали применять тяжёлую артиллерию, ведя беспорядочную стрельбу, в том числе и по гражданским объектам.

Увидев Валерия живым и невредимым, Микола явно обрадовался, кинулся обниматься:

– Ты смотри, уцелел! Ну, я тебе скажу, началась заварушка. Тёщус с собой забираем, она совсем сон потеряла. Вон, видишь, через три двора, воронку. Девчонку шальной миной накрыло. Ужас, что творится?.. Ну, а ты как? Был на передке?

Валерий выглядел серьёзным и несколько подавленным. Спросил:

Георгиевский крест

– Когда поедет? Мне срочно надо материал в Россию переправить.
– Давай перекусим, пока затишье. И двинем.

Они зашли в хату, где заплаканная женщина судорожно упаковывала какие-то вещи. Микола что-то тихо сказал ей по-украински, она попыталась улыбнуться, заторопилась накрывать на стол.

– Выпьешь? – Миколу не нравилось мертвенно-бледное, закамелое выражение лица корреспондента.

Валерий тяжело опустился на лавку, распахнул ворот куртки:

– Давай.

Стакан самогона он выпил неспеша, без эмоций, словно компот. Даже не закусил. Перевёл вмиг замутневший взгляд на Миколу:

– Ты знаешь, что там творится?! Прав был Егорыч – это ужас!

– А ты его, кстати, не встречал на передовой?

– Нас туда не пускали. Но я насмотрелся на убитых и раненых. Ты представляешь, их сотни! Трупы, трупы, трупы.

Ополченцы, женщины, старики...

Одна девочка умерла у меня на руках, когда я зашёл сделать снимки в больницу. Эти сволочи начали стрелять, хотя видели, что здесь медики.

– Не приведи, Господи! – Микола неумело перекрестился, скулы заходили ходуном. – Неужели там так жутко?

– Я думаю, что украинские силовики скоро будут здесь. Сил у ополченцев пока маловато. Но бьются ребята героически. Я никогда не думал, что можно так Родину защищать. Себя не жалея.

Валерий тряхнул головой, слёзы брызнули в разные стороны:

– Налей ещё, Микола. Помянем ребят.

Тот не заставил себя ждать, только жалобно прошептал: «Эх, мне нельзя, всё же за рулём...»

Геннадий МАЙОРОВ

Валерий подошёл к своей грязной потёртой сумке, рывком расстегнул её и что-то нащупал рукой на дне. Руку, сжатую в кулак, поднёс к столу, долго не мог разомкнуть пальцы. Губы его задрожали.

– Что там, граната? – испугался Микола и попятился к выходу.

Валерий разжал пальцы. На ладони лежал Георгиевский крест.

– Неужели? – Микола застыл в недоумении, не в силах сделать шаг к столу.

– В госпитале. Вчера. – Валерий порылся в кармане, вытащил смятую бумажку. – Вот, врач адрес написал. А Егорыч меня не узнал, так и ушёл, не приходя в сознание.

Теперь вот опишу детям, передам прадедов орден.

– Как же это случилось?

– Говорят, бандеровцы налетели ночью, перебили блок-пост. Егорыч вдвоём с каким-то солдатиком полчаса держали оборону.

Когда наши подоспели, он был весь изрешечён пулями. Но автомата из рук не выпустил... Ребята все называли его Батей, многих пацанов уберёг от смерти. А сам вот...

И уже не стесняясь Миколы и его тёщи, Валерий беззвучно зарыдал.

Когда микроавтобус переехал на российскую территорию, Валерий достал из кармана двести долларов:

– Возьми, Микола. За меня и Егорыча. Он же с нами...

– Что ты, не возьму, – замахал руками водитель. – Тебе же ещё до Москвы добираться.

– Я доберусь, ты не беспокойся. А деньги всё же возьми. Так дольше будешь нас помнить.

И не прощаясь, корреспондент резко удалился.

Впереди его ждала мирная жизнь.

Позади – война.

Георгиевский крест

Жизнь по имени ГОРЕ

У бабы Мани было три сына.

Она сидит на развалинах своего когда-то добротного дома и держит в руках измятую, побывавшую под руинами фотографию. На ней три молодых парня. Один в военной форме, видимо после службы в армии.

— Это Витюша, — не поворачивая головы, говорит баба Маня. — Он как раз приехал на побывку и велел братьям сходить в фотоателье.

Второй — весёлый, белокурый, с веснушками на вздёрнутом носике.

— Петя, — тем же невыразительным голосом, без каких-то оттенков интонации, комментирует баба Маня. — Средненький. Вся школа им гордилась. По всем предметам пятёрки. Очень хотел лётчиком стать...

Третий — самый маленький, нахмуривший лоб, видно, не хотел сниматься, потому и выглядел насупившимся.

— Алёшка, — тут голос бабы Мани дрогнул, захлебнулся в подступившем приступе боли. — Божий человечек. Ласковый. Всеми любимый...

По улице посёлка проносятся три машины, набитые ополченцами. Вслед за ними появляется потрёпанный трактор «Беларусь», по ходу выравнивающий дорогу, посечённую разорвавшимися неделю назад минами. Подтянулись эмчезовцы, с ними электрики. Начали поднимать повалившиеся столбы электропередач.

За моей спиной кто-то выразительно хмыкнул. Обернувшись, увидел колоритного старика, точь-в-точь похожего на знаменитого киношного деда Щукаря. Тот, лукаво прищуриваясь и оценивая приезжего, заскоружеными пальцами ловко мастерил самокрутку:

— Слава Богу, махра моя уцелела, — сам с собой, — но всей улице — повествовал «Щукарь». — Я её под застрехой хранил, осколки не тронули... Такого табачку ни у кого нет.

И выразительно посмотрел на меня, взглядом предлагая отведать аппетитный самосад. Встретив отрицательный жест, дед перевёл взгляд на неподвижно сидящую бабу Маню.

— Вот ведь судьба-судьбинушка, — глядя куда-то вдаль, словно ни к кому не обращаясь, повздыхал «Щукарь». — Маня в доме была, когда его раздолбило. Всё рухнуло, а её даже не задело. Присыпало только маленько, оглушило... А вот сынов не уберегла.

— Всех троих? — вырвалось у меня.

Дед подошёл поближе, просверлил своими колючими глазками:

— А ты, мил-человек, по какой надобности интересуешься?

— Я ищу свою родню, она в Макеевке, Красном Луче жила. Давно вестей от них не было, вот и решил разузнать: что и как.

— Нашёл?

– Нет. Я ведь из России, мне не везде советуют появляться. Особенно там, где злодействуют националисты.

– Они и здесь набедокурили. Я пацаном немцев застал, так мать сказывала, что далеко не все к мирным жителям относились плохо. Разные, конечно, были. Но оккупацию пережили, помаленьку отстроились, поднялись... А эти головорезы словно с цепи сорвались. Вот, посмотри. Магазин весь раскурочили. По домам шастали, как голодные волки, всё под чистую забирали. И девок наших не щадили... Я было заступился за одну, так они сначала пригрозили прикончить, а потом засмеялись, мол, сам, трухлявый пень, подохнешь.

Он несколько раз затянулся, но сухой кашель не позволил насладиться собственным табачком. Зло сплюнув, дед бросил самокрутку оземь, попытался растоптать, но всё никак не мог попасть каблуком развалившихся штиблет по дымящейся самокрутке.

– Язви её, – выругался он, откашливаясь. – Не идёт! Это ж надо?!

– Курить – здоровью вредить, – я попытался пошутить, но «Щукарь» не отреагировал, думал о чём-то о своём.

– Я ведь никогда любви к советской власти не питал, даже пострадал от неё, когда в колхозе работал. Но чтобы так... дожить до того, что тебя твои же будут убивать... Чего-то в этой жизни я не пойму. Может, и вправду надо скорее глаза закрывать, чтобы ничего этого не видеть.

Дед опять зашёлся в кашле, махнул рукой и пошёл вдоль улицы, бормоча что-то себе под нос.

Всё это время баба Маня сидела как вкопанная, ничего не говоря. Она лишь слегка раскачивалась, держа перед собою фотографию. И, прикрывая глаза, еле шевелила губами, должно быть, молилась.

Я смотрел на эту седую, в перепачканной одежде женщину, пол-

ностью погрузившуюся в собственное горе, и вспоминал события сорокалетней давности.

Я служил в Забайкалье, когда ещё не затухали советско-китайские пограничные конфликты. И особую пикантность напряжённой ситуации придавало то, что в этих местах находились поселения ссыльных бандеровцев, семёновцев и прочих противников советского строя. Напомню для тех, кто подзабыл историю, что в ленинско-сталинское время не всех расстреливали и гноили на рудниках. Родственников врагов народа ссылали в сибирскую глушь, подальше от родных мест. Так вот, пришлось мне встречать потомков тех, кто воевал на стороне атамана Семёнова и барона Унгерна в годы гражданской войны. Для них уготованы были специальные резервации, где и появлялись на свет новые поколения людей, ни в чём не повинных, но с клеймом «внуков врагов народа». Правда, многие годы спустя они успешно адаптировались в нашей среде, ничуть не помышляя о мести или других нетерпимых проявлениях к власти предержащим. Благо, и власть трижды поменялась, поменялись и критерии оценки исторических событий.

Но в этом ряду выделялись потомки националистов с западной Украины. Их продолжали воспитывать в духе ненависти к советской власти.

Однажды я возвращался с вокзала, проводив воинского начальника на поезд Пекин – Москва, который ходил раз в неделю, и его прибытие ставило на уши всю контрразведку и КГБ. Так вот, возвращался я в темноте и на одной из улиц заметил, как две женщины, судорожно зажигая спички, что-то ищут в траве. Узнав, что дочка

выронила ключ и к его поиску подключилась мать, я включил фонарик, с помощью которого мы быстро обнаружили пропажу. Ещё не разгибаясь и не видя меня, мать начала было благодарить за помощь, но увидев, что перед ней военный, резко изменилась в лице, швырнула дочку на крыльцо дома и сама попятилась, шипя.

Такой поворот событий несколько обескуражил, но, вернувшись в часть, рассказал о случившемся. В ответ мне посоветовали больше по той улице не ходить. Потому как там живут бывшие бандеровцы, ненависть которых не знает границ. И не важно, что наше послевоенное поколение никакого отношения к сталинским приказам не имеет. Впрочем, такое же отношение к нам мы наблюдаем до сих пор и со стороны «обиженных» прибалтийских народов. В отличие от цивилизованных стран, таких как Франция, Германия, с которыми у нас были противостояния в своё время, но по истечении времени отношения изменились и сделаны правильные исторические выводы, кому-то неётся раздувать враждебный пожар и спустя многие десятилетия...

Там же, в Забайкалье, познакомился я с одной местной знаменитой Колдуньей, как её называли земляки. (В миру – Михеевна.)

Она лечила людей отварами из трав, обладала гипнотическими и прочими способностями, которые тогда официальная медицина и «кодекс строителя коммунизма» не признавали. К ней тайком сопровождал я жену одного капитана из политотдела с их годовалым ребёнком, который не мог спокойно спать и постоянно изводился беспричинным плачем. Колдунья избавила малыша от недуга за короткое время, а капитан, к слову, секретарь партбюро, до конца моей службы ходил сам не свой, видимо, боялся, что я проговорюсь и испорчу его карьеру. На прощанье я ему посетовал, что надо бы

Геннадий МАЙОРОВ

научиться разбираться в людях, и что здоровье ребёнка дороже всего на свете...

Проявляя любопытство, я практически подружился с Колдуньей, часто бывал у неё дома. Как-то раз эта женщина обратила моё внимание на фотографию, висевшую на стене. На пожелтевшем фото начала 20-го века были изображены три бравых мужчины. «Это мои братья, – сказала Колдунья. – Вот этот воевал за белых, этот – за Унгерна, а этот, младший, за красных. Двое первых погибли, а младший брат пропал без вести. До сих пор о нём ничего не знаю. Помогите разыскать».

В то время по радио регулярно шли волнующие передачи о поисках детей из блокадного Ленинграда. Вела их Агния Барто. Вот к ней и решил я обратиться. Написал письмо с просьбой помочь и, честно говоря, забыл о нём в повседневности солдатских будней. Прошла неделя, другая, третья...

И однажды за мной прибежал племянник Михеевны, попросил срочно прибыть ко двору. Я, естественно, поспешил, весь в неведении, что же случилось. Уже на подходе к дому заметил толпу людей. Завидев меня, они замолкали, расступались, но не расходились.

Войдя в дом, увидел Колдунью, сидевшую за столом. Перед ней на скатерти лежал конверт с пометкой «Правительственная». Ждали меня, чтобы я прочитал ответ. Он был от самой Агнии Барто.

Письмо короткое, уважительное. Смысл сводился к тому, что поэтаэсса занимается только поиском эвакуированных из блокадного Ленинграда и затерявшихся на просторах России малых деток. И что вам надо обратиться в соответствующие военные архивы.

Словом, ожидаемого положительного результата нет. Но Колдунья расценила сам факт присланного ответа, да ещё с «правитель-

ственной» пометкой, как событие знаковое. И, обведя всех любопытных пронизательным взглядом, изрекла: «Отныне к этому парню относиться как к родному». С тех пор я спокойно посещал все «нерекомендуемые» политработниками места. Много интересного увидел и узнал.

Когда пришло время демобилизоваться, Колдунья подарила мне старинную икону, сказав: «Она наш род сберегла, пусть и тебе поможет». Будучи в то советское время атеистом, я значения подарку не придал, но сохранил до сих пор.

Прощаясь, поинтересовался у Колдуньи: «А что же с братьями?» Она лишь ухмыльнулась: «Я знала, что это пустая затея, но ты – молодец, что попытался помочь... А вообще-то упаси вас Боже пережить гражданскую войну».

Много воды с тех пор утекло. И вот довелось-таки увидеть эту самую страшную гражданскую. Которая не щадит никого. Разрушает не только города и сёла, но и ломает судьбы людские. Порождает неверие во всё. Очерствляет душу.

... Баба Маня прекратила беззвучно причитать и попыталась улыбнуться, обратив внимание на ластившуюся к ней бездомную кошку. Порылась в своих лохмотьях, достала какую-то корку, сдула с неё пыль и протянула жалобно мяукающей кошке. Та, видно, голодала изрядно, потому как без брезгливости схватила пищу и стала жадно её разжёвывать.

Баба Маня подняла глаза, жестом попросила подойти поближе:

– Витюшу убили ещё весной, – женщина схватила меня за рукав и нервно теребила. – Он ведь дожидаться не стал, одним из первых записался в ополчение. А потом Петя ушёл, его говорят в плен взяли, пытали там ужасно. Кто говорит – убили, кто, мол, мается раненый

в подвале у них. Ополченцы вот обмен затеяли, но его в списках с той стороны нет. Как думаете, есть надежда?

– Конечно, ведь надежда умирает последней, – попытался я поддержать обезумевшую женщину. – Надо верить и ждать... А с Алёшкой что?

– Он в доме остался. Говорят, прямое попадание. Но я не верю. Не может так просто моё дитячко уйти из жизни...

– Так надо же похоронить по-людски, – вырвалось у меня. – Вы бы сказали ребятам из ополчения, вон они идут...

– Не смей! Не дам тревожить... Не переживу!

Подошедший боец легонько похлопал меня по плечу и тихо шепнул:

– Да похоронили мы его ещё третьего дня. А баба Маня, похоже, с ума съезжает из-за горя. Да и то верно, трёх сынов потерять зараз... Плохо, что мы начинаем к этому привыкать, Уже не тошнит, как по первости. Того и гляди, сердце закаменеет... А у меня дочурка растёт. С женой в Россию спровадил. Думал ненадолго. А уж сколько времени прошло... И конца, и края не видно.

Ну ладно, пойду, мне скоро на пост заступать. А вы тут особо не расслаивайтесь. К вечеру эти сволочи опять начнут обстреливать. Как бы чего...

Так ничего и не выяснив про своих родственников, я решил возвращаться. Навстречу мне двигались разномастные машины с добровольцами, многие салютовали российскими флагами, выкрикивали бравурные речёвки. Мой водитель только вздохнул:

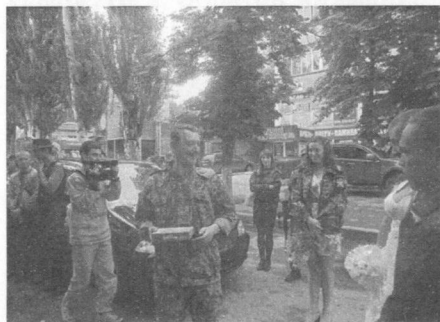
– Нашла коса на камень. Теперь точно никто никому не уступит. И нет здесь ни правых, ни виноватых...

Туфельки для Золушки

– Телевизионщики суеются, – пояснил один из ополченцев. – Витюха наш жениться задумал, так они предложили всё это дело отнять и в интернет выложить. Мол, смотрите, война идёт, а жизнь продолжается...

Невысокого роста парень лет восемнадцати растерянно улыбался, на его впавших скулах едва пробивалась щетина, которую он не сбрасывал, видимо, намеренно, чтобы подчеркнуть свою мужественность и взрослость. В камуфляже с автоматом он выглядел нелепо на фоне свадебных атрибутов, которые телевизионщики затаскивали в кадр. Кто-то от руки на обойном куске написал «Счастья молодым!» и пытался закрепить его на здании какой-то пожарной части, уцелевшей после летних боёв. Красный кирпич крошился под ударами приклада, гвозди рикошетили, но всё же с грехом пополам самодельный плакатик удалось прикрепить. Появился маленький столик, ваза с цветами. Режиссировавший предстоящую торжественную церемонию упитанный юноша в хрустящей ветров-

ке возбуждённо бегал по площадке, постоянно о чём-то советовался с оператором и нервно поглядывал на часы.

Тем временем к месту событий подтягивался любопытный народ. Женщины как могли принарядились, знали, что могут попасть в объектив телекамеры и старались соответствовать моменту. Наконец кто-то изрёк:

– А где же невеста?

– Свадебное платье примеряет, – в толпе как всегда нашёлся всезнающий товарищ, к которому тут же устремили свой взор любознательные старушки:

– И где его достали?

– С гуманитарной помощью доставили, – заулыбался всезнайка.

Народ оживился, посыпались со всех сторон шутки-прибаутки. Было видно, что люди соскучились по мирным разговорам, по веселью. И нынешняя свадьба хоть как-то отвлекала их от мрачных мыслей, давала надежду на лучшее.

Минут через сорок появился небольшой кортеж автомобилей. Из первого вышли градоначальник и представитель загса. Невесту сразу и не заметили в гуще свиты. На ней не было свадебного платья. Всё тот же камуфляж, лишь на голове – фата. В руках вместо автомата – большой букет роз.

– Натаха – медсестра, – комментировал всезнающий голос из толпы. – Сама к ополченцам прибилась. А Витёк как раз ранение получил, она его и выходила.

– У неё брата убило, – добавил женский голос. – Она сначала в Россию с матерью подалась, а потом решила вернуться...

Прибывшие с кортежем девушки в цивильных платьях стали

украшать намеченное место регистрации шариками и лентами. Одна из машин также преобразилась на свадебный лад.

Режиссёр подбежал к молодым, начал что-то объяснять, отчаянно жестикулируя. Можно было догадаться, что он предлагает жениху избавиться от автомата, дескать, это перебор. Виктор неохотно, но всё же согласился остаться без оружия. Затем довольно быстро уговорили невесту переодеться в платье одной из подружек. Это решение вызвало удовлетворительные возгласы у зевак. Наталья и впрямь резко преобразилась. Бесформенный камуфляж уродовал её миниатюрную привлекательную фигурку. Платье оказалось ей к лицу. Но возникла проблема с обувью. Нужны были соответствующие туфли. И тут выручили близживущие женщины. Они ринулись в свои закрома и – о чудо! – явили на свет туфельки для Золушки.

Ещё через полчаса всё было готово для свадебной церемонии. В последний момент появилась бутылка шампанского, что вызвало неописуемый восторг у зрителей, особенно когда из подзабытого напитка с шумом выстрелила пробка и пенящаяся струя вылетела из горлышка на потрескавшийся асфальт.

Наталья сияла от счастья. Виктор же стоял с закаменелым взглядом, покрывшееся пятнами лицо выдавало его нешуточное волнение. Никто не заметил как на импровизированной площади стало больше ополченцев. Часть из них изображала массовку и при приближении телекамеры радостно аплодировала, выкрикивая здравницы молодым. Но несколько человек стали как-то тревожно переговариваться по рации, то и дело озираясь по сторонам. Потом один из них, видимо, командир, подошёл к градоначальнику и посовето-

вал сворачивать церемонию. Тут и люди почуяли что-то неладное. Только режиссёр с оператором настолько были увлечены съёмками, что ничего не хотели замечать. Но когда где-то далеко ухнул один взрыв, затем донёсся отголосок другого, инициаторы телесвадьбы вынуждены были завершить процесс.

Первыми стремительно покинули место действия местные жители, привычно устремившись в убежища. Ополченцы, а вместе с ними и жених, направились к своим блок-постам. Минут через десять о состоявшейся свадьбе напоминал только плакат на стене и несколько понуро висящих шариков.

Лишь месяца через два совершенно случайно наткнулся я во всемирной паутине на небольшой сюжет о той памятной свадьбе. Закадровый голос пафосно информировал, что в воющем Донбассе люди думают не только о том как бы выжить и отстоять свою свободу, но и создают новые семьи, уверенные в мирном будущем, когда настанет время рожать детей, созидать и радоваться жизни. Сюжет заканчивался на оптимистичной ноте: Виктор и Наталья планируют построить дом, в котором будет много-много ребятшек...

Естественно, захотелось узнать о судьбе молодых людей, случайным свидетелем свадьбы которых довелось мне стать. Тем более что от их городка война откатилась на приличное расстояние.

Но всё никак не получалось попасть в те места. Как всегда оказия подвернулась неожиданно, когда развозили гуманитарную помощь по намеченным населённым пунктам. Водитель потрёпанного грузовичка оказался земляком ополченца Виктора. Рассказал, что тот был ранен легко, вернулся в строй и сейчас патрулирует окрестно-

сти, вместе с товарищами, имеющими боевой опыт, следит за порядком, выполняя функции органов внутренних дел, которые появятся после намеченных в ДНР ноябрьских всенародных выборов.

Добравшись до места назначения, я был немало удивлён тому, как чётко и оперативно решались вопросы распределения привезённых продуктов. Это при том, что практически «на коленке» реанимировались сведения обо всех жителях – выживших и погибших, а также ставших беженцами. Не смотря на отсутствие достаточных ресурсов, восстанавливались объекты жизнеобеспечения. Возобновились занятия в школах. Даже местный Дом культуры начал работать, о чём свидетельствовало объявление на входе. Кроме того желающих вступить в брак приглашали на регистрацию в определённые дни. И это было наглядным свидетельством того, что жизнь продолжается, что скоро всё наладится и раны гражданской войны зарубцуются.

Встретившаяся в холодном вестибюле работница ДК оживлённо рассказывала о перспективах, о планах, которые скорее можно назвать мечтами. Когда же мы затронули тему свадеб, то она посокрушалась, что пока желающих нет, люди ждут конституционных перемен, то есть чётких и стабильных «правил игры».

– А помните ли вы летнюю свадьбу ополченца Виктора?

– Сама я там не была, но моя тётка рассказывала, как невесту всем миром наряжали...

– ... и туфли ей подарили?

– Ножка у неё была маленькая, ничего путного подобрать не могли. У одной учительницы только нашёлся нужный размер... Люди у нас сердобольные, не жадные...

– Словом, нашлись туфельки для Золушки?

– Да ведь недолго их счастье продолжалось. Вы разве не слышали?

– Но мне рассказывали, что жениха – Виктора – только ранило, он до сих пор в строю...

– Он-то да, а вот невеста погибла неделю спустя. Тут к нам зачистили диверсионные группы из «Правого сектора», жуткие звери, ничего святого. Они то что-нибудь подожгут, то взорвут. В общем, не успокаиваются, не подчиняются киевским властям. Творят беспредел. Так вот, совершили налёт на нашу больничку, где были раненные ополченцы. Хотели их, видимо, добить. Но ребята из охраны оказали серьёзное сопротивление, почти всех перебили. А с нашей стороны две потери. Один военный и эта самая ваша невеста. Она как раз на дежурстве была. Осколком её прямо в сердце. Вот такие вот дела...

А хоронили её в настоящем подвенечном платье. И в тех самых туфельках, учительница так решила, мол, в этой жизни счастья не хватило, так пусть хоть на том свете порадуется...

Подобных историй здесь немало. И жутко осознавать, что с каждым днём их становится всё больше. И люди начинают привыкать к смертям, к каждодневным ужасам бытия. Дети играют в войну со смертоубийственными атрибутами, которые уже не помещаются в земле, а выпирают наружу, заполняют всё жизненное пространство. Порой приходится идти, спотыкаясь, под подошвами хрустят осколки, того и гляди какой-нибудь неразорвавшийся снаряд вознамерится начать обратный отсчёт. И такое бывало.

Заброшенные нелюдимые парки и скверы стремительно зарастают сорняком, вздыбливается местами сохранившийся асфальт,

плесень покрывает нежилые и неотапливаемые жилища. Но если когда-нибудь можно будет отмыть, отскрести, заново построить разрушенное, то как быть с искореженными людскими душами, с необратимо наполненными страхом глазами детей, с их хроническими вздрагиваниями при каждом подозрительном шуме?

То, что творят в Новороссии с подачи западных идеологов нацисты, безусловно – преступление против человечества. И мне трудно поверить, что после всего, что там произошло и происходит, можно будет говорить о совместном мирном общежитии, о единодушии гражданского выбора. Мир там раскололся с первыми взрывами, насилиями, безнаказанностью. Даже те, кто старался жить по принципу «моя хата с краю...», прекрасно понимают, что надо выбирать – с кем ты. Третьего не дано.

И ещё понимаешь, что нет целостного ощущения государства. Искусственно созданная территория, населённая абсолютно разными народами, рано или поздно распадётся. К идеологическим разногласиям добавилась элементарная ненависть, только усугубляющая кризис. И труженики-шахтёры не намерены кормить своих убийц, не намерены содержать чужеродную киевскую власть. Прямо так и говорят: «Ничего, переживём, даст Бог, отстроимся и возродим экономику. Но будем жить по своим законам, по совести».

А ещё запомнился один немолодой уже человек в застиранной стройотрядовской куртке, без левой руки, который безуспешно уговаривал командира ополченцев взять его на передовую:

– Ты не сомневайся, я и одной рукой могу с гранатой управлять, и стрелять приноровился. Я обузой не буду... А дома, где мать погибла, сидеть не могу. Я их зубами буду грызть до конца дней сво-

их. А если замиритесь с этими гадами, в партизаны подамся, но не прошу...

Командир пытался успокоить взволнованного человека, аргументировал свой отказ тем, что скоро всё закончится, недаром и Россия усиленно продвигает мирную тему на международном уровне, вот в обычной жизни ты себя и проявишь.

Тогда доброволец вытащил из кармана какие-то документы, попытался ими аргументировать свою просьбу. На что военный мягко ответил:

– Да знаю, что ты в Чечне воевал, боевой орден имеешь. Но сейчас другое время. Мы как-нибудь справимся, силёнок хватает. Да и что наши враги скажут, дескать, уже инвалидов используете.

Немолодой, потрёпанный жизнью человек вдруг сник, в голосе пропал напор:

– Эх, ребята, ребята, а ведь они не успокоятся. Нахлебаетесь с ними. Помяни моё слово...

май – ноябрь 2014

Напоследок

Харьков. Вокзал.

Когда-то он казался мне величественным и красивым. В детские и юношеские годы мы с родителями делали здесь пересадку на поезд, следующие в сторону Красного Луча, Макеевки, где проживали наши родственники. Я до сих пор помню пышных торговков, спующих по перрону, нараспев предлагающих вкусную домашнюю снедь. Помню степенных, в фирменных фартуках, уборщиков. Каждый взмах их метлы сопровождался едва ли не колокольным звоном вздрагивающих на груди жетонов. И у меня это ассоциировалось с эталоном чистоты и умиротворённости.

А вокруг кипела жизнь. Русский говор перемешивался с украинским. Постовой лениво, как бы для приличия, наблюдал за всей этой идиллией, прохаживаясь по белой линии перрона. И казалось, что его дежурство протекает скучно, без происшествий, как в добром старом кино про нашу доблестную милицию.

Нынче здесь всё не так. Едва вступаешь на территорию железнодорожного комплекса, наплывает ощущение почти позабытой тревоги и незащитности, как в «лихие девяностые» где-то на Курском или Киевском вокзалах российской столицы. Безвластие и вседозволенность позволили тогда выплыть наружу стайкам рэкетиоров и прочих уголовников. Они беззастенчиво приставали к одиноким или слабым пассажирам, особенно если те перевозили импортные коробки с какой-то техникой и напористо вымогали «плату за провоз». А в туалетах и во все могли приставить к горлу ножичек, требуя поделиться вещичками.

Жуткое было время. Знаю многих, кто пострадал от такого произвола и наглости. И вот теперь подобная картина предстала на харьковском вокзале.

Калейдоскопично меняющаяся обстановка на украинском политическом пространстве сродни переменам, известным из истории времён гражданской войны начала двадцатого века, когда по Незалежной натывались волны то махновской власти, то петлюровской... Как в том

анекдоте: «Белые придут – грабят, красные придут – тоже грабят...»

Буквально месяц назад россиян не жаловали не в аэропортах, ни на вокзалах, в лучшем случае заворачивали обратно. Но бывало, что и задерживали в подозрении «на шпионскую деятельность».

И вдруг объявили, что проезд для всех одинаков. Естественно, показалось более привлекательным попасть домой через Харьков, чем делать крюк на Ростов.

Действительно билеты продали, правда, гривны пришлось менять у спекулянтов, в обменник не советовали соваться: «А что если паспорт конфискуют?» Может, пугали, но, как говорится, бережёного Бог бережёт.

Итак, билеты в кармане, но остаётся ждать поезда. Вот тут-то в зале ожидания и пришлось обратить внимание на подозрительных типов, барражирующих вдоль рядов. Как хищники, чувствующие запах наживы, они бесцеремонно подходили к одиноким пассажирам, о чём-то толковали, а кого-то уводили в подземные лабиринты. Люди сидели притихшие и напуганные. Судя по бесцеремонности современных махновцев, блюстителей порядка они не боялись. А когда какой-то дядечка с аппетитным кожаным портфелем попытался возражать, один из рэкетиоров предъявил ему аргумент в виде пистолета. Почти в открытую. И никто вокруг даже не пикнул.

Лучше было, чтобы не испытывать судьбу, дожидаться поезда на продуваемом перроне. Там оголтелых молодчиков не было, видно, боялись простудиться и предпочитали «работать» в комфортных условиях.

Когда же объявили посадку, и мы затиснулись в переполненный плацкартный вагон, раздался душераздирающий крик: «Укра-а-а-ли!»

Выяснилось, что дородная товарка слишком громко и доверчиво в зале ожидания рассказывала, что везёт дочке и зятю, работающим в Москве, подарки на праздник и домашних гостинцев. Её откровенность вышла боком. Уже в толпе на перроне урки подрезали сумочку с наличностью. Хохлушку потом успокаивали всем вагоном. А некоторые сердобольные граждане даже начали сбор денег: с миру по нитке...

Когда мы прощались, заплаканная женщина неожиданно выдохнула:

– А пропади оно всё пропадом. Не вернусь! У детей останусь... Пока всё не утрясётся...

ББК
63.3+76.12
М-30

Геннадий Николаевич Майоров

Георгиевский крест

Авторская редакция

Корректор А.А. Гудкова

Фото - авторские и с интернет-порталов гу

ISBN 978-5-86843-048-0

© Геннадий МАЙОРОВ, 2014

© Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2014

[100p]
Издательство «3-е ИЮЛЯ», тел. +7 (9107) 48-11-02
Сдано в набор 20.12.2014 г. Подписано в печать 25.12.2014 г.
Формат 84 x 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro»
Усл. п.л. 2 Тир. 1000 экз.

Отп. в пролиграфическом комплексе МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ № 333

[100p]